

Утро началось с жуткой головной боли. Мужчина попытался подняться, но не смог. Перед глазами все плыло. Рвотный позыв заставил-таки встать и направиться в туалет, сбив по пути дюжину пустых бутылок. В состоянии автопилота не удалось сразу найти дверь. Облегчившись, выполз из туалета и осторожно двинулся в сторону кухни, где в холодильнике ожидали две благословенные жидкости: пиво и рассол. Обе емкости были опустошены с жадностью.

Последние четыре года он преуспел в борьбе с похмельем и всегда заранее готовился к нему. Еды в холодильнике немного, как, впрочем, и мебели в квартире. Утолив жажду рассолом, а голод яичницей, посчитал, сколько денег осталось, и на сколько бутылок водки их хватит. Если клиенты не позвонят в ближайшие дни, все же придется просить займы у соседей. Аня, сестра, могла дать в долг, но только, если была уверена, что деньги пойдут на еду. А вот он в этом уверен не был. Обманывать её снова не хотелось – лимит доверия и так почти исчерпан, а она последний родной человек. Решил лечь спать. Но не успел присесть на кровать, как раздался звонок телефона.

– Алло, – произнес он, старательно выговаривая буквы.

– Здравствуйте, – женский приятный голос. – Это вы давали объявление об услугах сантехника?

– Да.

– В объявлении сказано, что услуги будут оказаны качественно и по невысокой цене.

– Да, цена договорная. Инструменты я привезу с собой.

– Хорошо. Когда сможете приехать?

– Через несколько минут. Вы только адрес скажите.

– Гоголевский переулок, дом четыре, второй подъезд, квартира тридцать три.

– Так, записал. Уже выезжаю.

Конечно, люди, вызывающие на дом сантехника, не ожидают увидеть его кристально трезвым, но сохранив-

шиеся глубоко в душе крупницы интеллигентности не позволяли явиться в таком виде к клиенту. Пошел в ванную, привел себя в порядок, отыскал среди хлама наиболее чистую одежду и даже погладил ее. Уложил инструменты в чемоданчик, отправился по адресу. Когда работал инженером в управляющей компании, тоже приходилось часто разъезжать. То там прорвет, то здесь. Бывала и халтурка. Все-таки специалист, да и руки, как говорили, золотые. Жили в благоустроенной квартире, имелся маленький уютный домик за городом. Вместе прожили почти десять лет, из них семь в официальном браке. Когда Маша забеременела, вся жизнь осветилась, несмотря на токсикоз, капризы, необходимость работать за двоих, а затем и естественные проблемы с новорожденным малышом. Для него стало наслаждением трудиться ради ребенка, несущего частичку и его собственной души. Жизнь была полна смысла.

До Малого угла, откуда начинался Гоголевский переулок, долго ехал на автобусе. Переулок состоял всего из нескольких домов, так что найти нужный не составило труда. Здесь ему понравилось. Невысокие деревянные дома, окруженные раскидистыми деревьями, прекрасный вид на сопки, лес. Все такое ухоженное, чистенькое. «Хорошо им здесь живется. Если бы Маша...», – он тряхнул головой, пытаясь прогнать навязчивые картинки из прошлого, и пожалел об этом – боль пронзила насквозь. Когда легчало, вошел в подъезд. Позвонил в дверь, раздался лай, шаги. Открыла женщина лет тридцати, в легком сиреневом платье, обнажающем нежные руки. Он стоял и любовался, будто картиной какого-нибудь великого живописца. Её лицо показалось знакомым. Ниточки её бровей удивленно изогнулись.

– Я вас слушаю.

– Простите, – будто очнулся ото сна, – вы мне звонили, я сантехник.

– Здравствуйте! Заходите, пожалуйста, – улыбнулась и отошла в сторонку.

– Зря вы открываете так дверь, и даже не спрашиваете, кто там.

– Нам здесь нечего бояться. К тому же, если что, соседи помогут.

– Понятно.

Зашел, огляделся. Сразу внимание привлекли фотообои, которых давно не встречал, с лесными тропинками и горными ручьями. Причем настолько качественные, что казалось, стен нет вовсе, а мебель с паркетным полом стоит посреди лесной чащи. Полумрак, царивший в квартире, усиливал впечатление.

– У вас очень хорошая квартира, уютная.

– Спасибо.

Он наклонился, чтобы развязать шнурки. Внезапно в лоб уткнулось что-то влажное и сопящее. От неожиданности отпрянул, потерял равновесие и приземлился на паркет. Хозяйка звонко рассмеялась. Перед ним сидел спаниель с умным взглядом, осторожно принюхивавшийся.

– Не бойтесь Тошу, он не кусается.

– Я не испугался. Я слышал его лай за дверью. А упал я от неожиданности.

– А вот разуваться не обязательно. Можете пройти в ванную так.

– Нет уж, не хочу запачкать такую красоту.

– Но мы все-таки не в музее.

Ванная комната была просторной, выложенной белоснежной плиткой, с плетеной циновкой на полу. Ни малейших следов плесени, сырости или ржавчины. Побольше бы таких клиентов.

– Так что у вас случилось? – спросил он, раскрывая чемоданчик.

– Ванна засорилась.

– И все? А у вас, что, и троса нет?

– Знаете, я в этом не разбираюсь. Раньше все муж делал.

– А где он сейчас, на работе?

– Нет, он умер.

– Извините.

– Ничего, вы же не знали.

– А что же управляющая компания?

– Стараемся справляться сами. Хотим оформить ТСЖ, да все с документами не управимся. Впрочем, это не важ-

но. Сейчас никого из соседей нет дома, вот я и решила вызвать вас.

– Значит, соседей нет? А говорили, что они всегда помогут. Вдруг я какой-нибудь преступник, вор? Вы не боитесь?

– Вы не преступник. Хотя вы очень несчастный человек.

Он вздрогнул и отвлекся от чистки трубы.

– С чего вы взяли?

– Да по глазам поняла.

– Знаете, не могли бы вы не мешать мне, а?

– Как скажете, – она собиралась уйти, но остановилась. – Да, как вас зовут?

Он почему-то долго пытался вспомнить имя.

– Э, Аркадием.

– А меня Марией, приятно познакомиться.

«Занятое совпадение. Тоже Мария. Интересно, муж у нее давно умер? А сейчас есть кто-нибудь? А то женщина ничего такая. Может... Ладно, черт с ней. Хорошо бы вместо денег сразу бутылку дала, а то и две. Вряд ли, слишком интеллигентная».

Через полчаса закончил.

– Все, хозяйка, принимайте работу.

– Спасибо вам большое, – все не устает улыбаться. Странная. – Может, чайку выпьете, с печеньем?

– Да как-то неудобно. Лучше просто заплатите мне, и я пойду.

– Точно не хотите?

Он очень хотел, поскольку съеденная утром яичница уже казалась сном. Желудок урчанием посоветовал принять предложение. И он принял. Чай с абрикосовым вареньем был не плох, как, впрочем, и ореховое печенье.

– М-м-м, очень вкусно! – похвалил, стремительно поглощая сладости. Мария облокотилась на стол и с интересом наблюдала.

– Похоже, вы давно по-настоящему не ели. Сразу видно – холостяк.

Он мельком глянул на нее:

– Я не всегда был холостяком, – чуть не прибавив, что очень хотел бы об этом забыть. Но не получалось. Ушел с работы, продал дом и квартиру, купил нынешнюю конуру, порвал связи с друзьями, стремясь избавиться от прошлого, а, следовательно, от невыносимой боли. Но боль и не думала уходить. Тогда он принялся топить ее в водке. Тот тип, как показала экспертиза, тоже любил поддать. И именно в тот день, когда Маша повезла Петю в детсад, видимо посчитал, что такому опытному водиле пара стаканов будет как слону дробина. Жена и сын погибли на месте. Сколько раз думал, если жизнь и так похожа на ад, то почему бы не отправиться в ад настоящий. Аня, услышав такие слова, убедила, что это стало бы предательством их памяти. Но с другой стороны, какая разница, если он и так мертв?

– Значит, вы были женаты? А где она теперь?

– Умерла.

– Ой, извините, я не хотела.

– Да что уж там.

– Давно это случилось?

Пауза.

– Четыре года назад.

– Вот совпадение, мой муж тоже умер четыре года назад, – указала на фотографию в рамке, стоявшую на комод. – А из-за чего?

– Я, конечно, благодарен за чай, печенье, но вам не кажется, что это не ваше дело?

– Просто у нас так много общего...

– Нет между нами ничего общего. Вы ничего обо мне не знаете.

– Да, наверное.

– И вообще, – его голос стал жестким. – Я думаю, вам пора со мной расплатиться, а мне пора идти.

Она усмехнулась:

– Хорошо.

В душе вдруг закипела злость.

– Вы думаете, у меня дел больше нет, как с вами болтать? У меня другие клиенты есть. Вы моё время тратите. Мне девушка должна позвонить. Да, свидание у меня. И еще...

– Зачем вы мне это говорите? – женщина, продолжала смотреть ему в глаза, а он пытался безуспешно их отвести. – Если вам неприятно мое общество, вы можете уйти прямо сейчас. Разве я вас держу?

Взглянул исподлобья, резко встал и направился в прихожую.

– А как же деньги? – крикнула она.

– Обойдусь.

Пока пытался зашнуровать ботинок, вокруг с лаем носился спаниель.

– Да отстань ты, тварь! – рявкнул не хуже бультерьера. Тоша обиженно тьякнул в ответ и убежал. – Дурдом. Чокнутая баба со своей чокнутой псиной. Лучше бы я еще спал.

Наконец, обулся, накинул куртку и попробовал открыть дверь. Как назло, не хотела поддаваться. Принялся с силой крутить рычажок замка, рискуя его оторвать. Внезапно вспомнил и вернулся в гостиную.

– Вы же хотели уйти, – как будто издевалась. У него возникло почти непреодолимое желание ударить ее.

– Так значит это ваш муж, – ткнул он в фотографию.

– Да, я же сказала.

Аркадий понял, где видел её раньше. После аварии она приходила, просила прощения за мужа, плакала. Тогда он ненавидел её больше, чем его. Ведь с того уже нельзя было спросить.

– Помните меня? – процедил он сквозь зубы. – Вы приходили тогда.

Она опустила глаза и прошептала:

– Да.

– Специально меня вызвали, поиздеваться решили?! Мол, вон как хорошо живете, не то, что я, в дерьме!

– Я не знала, что это вы, когда читала объявление. Там же фамилии не было. И я не знала, как вы сейчас живете.

– Когда меня увидели, сразу вспомнили?

– Не совсем. Вы же меня тоже не вспомнили.

– Четыре года прошло.

– Да, много.

Они стояли и молчали несколько минут. Пес сидел рядом и переводил взгляд с одного на другого.

– Ладно, все равно ничего не изменишь. Прощайте, – развернулся.

– Подождите, – она взяла его за руку, но тут же отпустила, словно коснулась горячей сковороды. – Вы правы, прошло много времени, но раз так получилось, что мы встретились, мы могли бы поговорить, и вам наверно стало бы легче.

– Тогда не стало, почему сейчас должно быть по-другому?

– Но четыре года...

– Это ничего не меняет.

– Почему? Жизнь продолжается.

– Не для меня, – поднял чемодан, который все это время стоял под столом, подошел к двери и сильно толкнул ее. Та распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Пока шел до остановки, ни разу не оглянулся. Купил на оставшиеся деньги водку.

... Он снова стоял перед своей последней клиенткой. Она, прислонившись к стене, смотрела на него и улыбалась. Почему она все время улыбается? Может и правда, сумасшедшая? Обреченно вздохнул.

– Ну и что же ты стоишь? – спросила она. Из-за угла появился Тоша и уселся возле хозяйки.

– Ну, так и быть, давайте поговорим.

– Хорошо.

– Вы хотите знать обо мне все? Так вот, я пьянь и неудачник, я разрушаю все, к чему прикасаюсь. Я убил собственную семью, потому что не я вел тогда машину, я позволил этому случиться. Вот, кто я – убийца. Ну как, продолжать?

Она смотрела в пол. Подняла глаза. Что-то неуловимо знакомое было в них, чертах лица, улыбке. Подретушированное, но узнаваемое, словно образ, выломавшийся из скалы. Он действительно знал ее, но это была другая женщина. Страх холодной волной разлился внутри. Страх очередной потери, что стоит протянуть руку, прикоснуться, она вдруг растворится, исчезнет, словно мираж. Он протянул руку. И коснулся. И она никуда не исчезла. Он крепко прижал ее к себе, боясь, что вырвется и улетит, как птица. Это была она!

ЕГО Маша! ЖИВАЯ!!! Он ощущал ее тепло, чувствовал биение сердца и не мог сдержать рыданий. А ведь думал, что разучился плакать. Какие силы вздумали сыграть с ним такую жестокую шутку? Но искренне благодарил их. Кто-то дернул его за рукав. Посмотрел вниз. Петя! Опустился на колени и обнял сына. Услышал шелест листьев, почувствовал дуновение ветра. Ветви на обоях зашевелились, комната расширилась и растаяла, подобно снегу. Они оказались на поляне посреди леса, потом бродили среди деревьев, играли в прятки, смеялись, болтали обо всем.

– Теперь мы будем вместе всегда?

– Мы всегда были вместе.

– Но как?

– Ты же помнил о нас, значит, мы были рядом.

– Да, помнил.

– Ты любишь нас?

– Да, люблю. Больше всей жизни. Только не уходи.

– Как я уйду, если я здесь, – коснулась она его груди.

Внезапно краски мира померкли. Он попытался удержать ее, но рука прошла сквозь тело. Закричал, сказочный лес вспыхнул и рассыпался брызгами. И он проснулся.

Боль и пустота. Как обычно. Или нет? Приложил руку к груди – стучит. Они где-то там, живут, пока жив он. Осмотрелся, подумал: «Не убратся ли?». Начал убираться. Позвонил сестре, принялся благодарить, чуть не плача. Потом отправился к Гоголевскому переулку.

– Вы вернулись обратно. Почему?

– Вы хотели поговорить. Давайте поговорим.

– Знаете, мы виделись несколько часов назад, но что-то в вас изменилось, – прищурилась она.

– Да, выпил немного.

– Наверное. Присаживайтесь. Может, чаю?

– С печеньем? – улыбнулся он.

– С печеньем, – улыбнулась она.